

The background of the cover is a detailed illustration. On the right side, there is a close-up portrait of a man with a thick, braided red beard and hair. He has blue eyes and a serious expression. He is wearing a blue military-style uniform with brass buttons and a shoulder strap. On the left side, the background shows a vast landscape with snow-capped mountains, a winding river, and green hills under a blue sky. The overall style is painterly and atmospheric.

Хроники не тех  
героев:  
Паломничество в  
таверну

*Рой Шарп*

18+

Рой Шарп

**Хроники не тех героев:  
Паломничество в таверну**

«Автор»

2025

## **Шарп Р.**

Хроники не тех героев: Паломничество в таверну / Р. Шарп —  
«Автор», 2025

Его прозвали Каменное Пузо. Но путь к этому прозвищу начался с позора. Брунди Громобоец был изгоем в своем подземном городе. Его приговором стал Каменный Мешок, а спасением — бегство наверх. Теперь ему предстоит не просто выжить в чужом мире, а найти свое место. Встреча с бардом Лутро и старинный рецепт эля, что круче дворфийского бренди, заводят его в такие дебри, где одними великанами не отделаешься. Погоня за легендой оборачивается путешествием к самому себе — и к пониманию, что значит быть дворфом. Что важнее: следовать традициям или создавать свои? Бежать от прошлого или вернуться, чтобы простить и быть прощенным? Это история о дружбе, о вкусном эле и о том, что даже у каменного сердца есть трещина, сквозь которую может пробиться свет.

# Рой Шарп

## Хроники не тех героев: Паломничество в таверну

Хроники не тех героев: Паломничество в таверну

Рой Шарп

АКТ I: ИЗГНАНИЕ И ПУТЬ

### Глава 1. Каменное Сердце Монтегравиты

В Алайских горах время текло иначе. Рассвет здесь длился вечность – солнце, словно нехотя, выкатывалось из-за восточных хребтов, заливая ледники кроваво-золотым светом. Снежные вершины, острые как зубья пилы, сначала робко розовели, потом вспыхивали ослепительной белизной, а к полудню начинали слепить глаза, будто гигантские зеркала, подвешенные к небу.

Ниже, на склонах, густел хвойный лес. Деревья цеплялись корнями за камни, будто понимали: одно неверное движение и сорвёшься в пропасть. Воздух пах смолой, мхом и чем-то металлическим – возможно, железом, вымываемым горными ручьями из недр. Эти ручьи, серебристые и шумные, прыгали по ущельям, но к середине дня их голоса становились тише: солнце выпивало их воды, оставляя лишь влажные следы на камнях.

К вечеру горы меняли нрав. Тени от скал удлинялись, сливаясь в одну сине-чёрную массу. Ветер, игравший днём в догонялки с облаками, теперь завывал в расщелинах, будто оплакивал чью-то смерть. Становилось холодно – не просто прохладно, а так, что дыхание превращалось в пар, а пальцы немели.

Именно в этот час, если приглядеться, можно было заметить огонёк где-то высоко, почти у самых облаков. Не костёр – слишком ровный и жёлтый. Скорее, свет из окна. Или из бойницы.

Сначала казалось, что это просто игра света на скалах – золотистые блики, мерцающие между серых утёсов. Но когда облака рассеивались, открывалось невозможное: целый город, вросший в горы, как драгоценность в оправу.

Монтегравита-Торре-Оро. Столица Империи Глубинного Мрамора.

Гигантские башни, выточенные из чёрного камня с прожилками золота, прорывались сквозь толщу горных пород, будто деревья сквозь камень. Их шпили, острые как иглы, пронзали облака. Стены – неровные, словно выгрызенные зубами великана – опоясывали уступы, повторяя изгибы скал так точно, что невозможно было понять, где заканчивается природа и начинается работа дворфов.

Город жил.

Из сотен окон лился тёплый жёлтый свет. По мостам, перекинутым между башен, сновали фигурки в тяжёлых плащах. Где-то внизу, у подножия, дымились кузницы – даже на этой высоте ветер доносил запах раскалённого металла и жареного мяса. А из огромных ворот, вырубленных в форме пасти дракона, каждое утро выходили караваны: повозки, гружённые мраморными блоками, громыхали по выщербленным дорогам, увозя богатство империи в мир людей.

Но главное чудо было внутри.

Потому что Монтегравита-Торре-Оро – это не просто город на горах. Это город в горах. Лабиринт тоннелей, залов и лестниц, уходящий вглубь на мили. Здесь, в залах с колоннами толщиной с корабельную мачту, дворфы ковали оружие, которое не тускнело веками. Здесь, в садах, освещённых светящимися грибами, росли овощи размером с человеческую голову. А в самом низу, в Сердце Горы, стоял тронный зал – его пол был выложен мраморными плитами, под которыми плескалась лава.

Говорят, если приложить ухо к стене, можно услышать, как город дышит.

Главная улица столицы – Бульвар Падающих Золотых Игл – была так широка, что по ней могла бы проехать тройка слонов, не задев прилавки. А они стояли плотно, как грибы после дождя: каменные столешницы, заваленные товарами, которые могли существовать только здесь, в этом городе-сокровищнице.

– Морковь с лавовым сердцем! – орал седобородый торговец, потрясая корнеплодом размером с булавку. – Откусишь – и язык заплещет сам!

И правда: овощи на рынках Монтегравита-Торре-Оро будто сошли со страниц сказки. Тыквы, в которых можно было бы выкупаться, их оранжевая мякоть пахла карамелью и дымом. Лук, чьи кольца светились слабым голубоватым сиянием – побочный эффект удобрения светящимися спорами. А виноград... Боги, этот виноград! Каждая ягода – с кулак, с толстой кожей, которая лопалась во рту, выпуская взрыв вкуса: то ли мёд, то ли кровь дракона.

– Выращено в Пещерных Садах! – хвастался продавец, указывая на клеймо в виде гриба. – Ни капли солнца – только лавовый пепел и любовь!

Толпа гудела, как улей. Одни дворфы торговались, другие – просто пили прямо у прилавков, закусывая «огненными редьками», от которых из ушей шёл пар. А над всем этим возвышались Лестницы Громового Шёпота – мраморные ступени, широкие, как королевские покои, ведущие к тронному залу.

Каждая ступень была выточена из цельного пласта глубинного мрамора, испещрённого золотыми жилами. По бокам – статуи прежних императоров, застывшие в вечном бдении: их бороды были так детализированы, что казалось, вот-вот зашевелятся от ветра. А вверху, за дверями с руническими заклятьями, сидел Донато Громобородый.

Говорили, что когда император смеётся, в кузницах гаснут горны – даже пламя затихает, чтобы послушать. Его борода, заплетённая в косы с вплетёнными молоточками, гремела при каждом шаге. А трон...

Трон был высечен из метеорита.

– Следующий! – гремел голос стражи, и новая делегация поднималась по ступеням, прижимая к груди дары: может, слитки, может, овощи-гиганты.

А город жил. Гудел. Ковал.

Брунди не был ни самым высоким, ни самым широкоплечим среди дворфов Монтегравита-Торре-Оро – но он определённо был самым рыжим. Его борода, заплетённая в две небрежные косы (вопреки моде на семь сложных узлов), напоминала вспыхнувший костёр. А глаза – холодного голубого оттенка, как ледники на северных склонах Алайских гор – выдавали в нём редкое сочетание: добряка с привычкой попадать в неприятности.

– Брунди, чёрт бы тебя побрал, опять ты в моём эле! – орал хозяин таверны «Три потрошёных тролля», размахивая половником.

– Я просто проверял, не прокис ли он! – отмахивался Брунди, вытирая пену с усов.

Он сидел за угловым столом, окружённый полупустыми кружками и таким же полупустыми обещаниями «завтра начать новую жизнь». На столе перед ним лежала карта – вернее, её жалкие остатки, потому что кто-то (возможно, он сам) использовал её как подставку под раскалённую сковороду.

– Опять мечтаешь о приключениях? – фыркнула соседка, дворфийка с татуировкой молота на щеке.

– Мечтать – это для поэтов. А я планирую, – Брунди щёлкнул пальцами, и крошечная молния (подарок одной неосторожной феи) проскочила между ними.

Его характер был как этот огонёк – быстрый, непредсказуемый и слегка обжигающий. Он мог затеять драку из-за оскорбления чужой бороды, даже если жертва была незнакома, но тут же отдал бы последний медяк ребёнку на улице. Ненавидел правила, обожал истории и верил в три вещи:

**Настоящий эль должен ударять в голову как молот.**

**Если дверь не открывается – она просто требует более креативного подхода.**

**Рано или поздно он найдёт то самое приключение.**

Брунди сидел в углу таверны «Три потрошёных тролля», разглядывая искажённую жаром карту. Вокруг гудел пьяный гул, пахло жареным мясом и перебродившим элем, но его голубые глаза – холодные, как горные озёра – видели только контуры Южных скал, где, по слухам...

– Брунди? Да он и мухи не обидит! – хриплый голос дворфа с татуировкой пьяного гнома на лбу разрезал шум. – Настоящий дворф хоть раз должен нарушить закон!

Тишина. Даже хозяин замер, неся новый бочонок.

Брунди медленно поднял взгляд. Его рыжая борода дрогнула.

– Нарушить закон? – он встал, опрокидывая кружку. – Да я хоть сейчас могу... – взгляд скользнул в окно, где в лунном свете белела статуя деда императора. – ...украсть сапоги у деда Донато!

Смех смолк. Кто-то поперхнулся элем.

– Они же мраморные! – прошипел сосед.

– Значит, не убегут! – Брунди хлопнул дверью, не замечая, как продавщица «драконьих груш» качает головой.

\*\*\*

Луна освещала площадь, когда Брунди подкрался к статуе.

– Ну, дедуля, прости великодушно... – он ухватился за мраморный сапог.

Хруст.

В руках осталась... только половина сапога. Вторая торчала на статуе, как кривой зуб.

– Ой.

Из-за колонн вышли шесть стражников. Капитан вздохнул, глядя на осколки:

– Опять ты.

Брунди, всё ещё сидя на земле, слабо улыбнулся:

– Технически... это реставрация?

Стража тащила Брунди вверх по Лестницам Громового Шёпота – тем самым, что вели к тронному залу. Каждая мраморная ступень была отполирована до зеркального блеска, а по бокам высились статуи прежних императоров, чьи каменные глаза, казалось, следили за Брунди с неммым укором.

– Могли бы и пронести... – пробормотал он, спотыкаясь.

– Заткнись, ворюга, – буркнул стражник, швырнув его на площадку перед воротами. Ворота.

Великие Врата Повелителя Глубин.

Двадцатифутовые створы из чёрного мрамора с золотыми жилами, украшенные барельефами, изображающими подвиги предков Донато. Один особенно выделялся – дед императора, раздавливающий тролля камнем.

– Ох...

Скрип. Врата раздвинулись.

Тронный зал.

Пространство, от которого захватывало дух. Колонны, уходившие ввысь, словно стволы каменных деревьев. Люстры из хрусталя и вулканического стекла, бросающие блики на стены. Пол, выложенный плитами с мерцающими прожилками, как будто под ногами плескалось окаменевшее море.

И трон.

Трон Донато Громобородого.

Высеченный из цельного метеорита, он искрился вкраплениями самоцветов. Рубины, сапфиры и изумруды складывались в узоры, напоминающие карту звёздного неба. А на спинке – огромный молот, символ власти, сделанный из того же тёмного металла, что и сам трон.

На этом троне сидел сам император.

Донато Громобородый.

Его борода, заплетённая в десяток кос, перехваченных золотыми кольцами, лежала на коленях, как отдельное существо. Глаза – холодные, как глубинные рудники – сверлили Брунди.

– Брунди Громобоец... – голос императора раскатился по залу, как подземный гром. – Опять ты?

Брунди попытался улыбнуться.

– Я... э... хотел проверить качество мрамора?

Тишина.

Где-то далеко кашлянул придворный.

– Ты разбил сапог моему деду!

Брунди посмотрел на обломок, всё ещё зажатый в руке.

– Ну... технически, только половину...

Тронный зал замер. Даже факелы, казалось, горели тише, пока Донато Громобородый рассматривал Брунди. Его лицо, изборождённое шрамами (один – через левую бровь – напоминал о битве с каменным троллем), не выражало ничего, кроме холодной ярости.

Император медленно поднялся с трона.

Он был огромен – даже для дворфа. Плечи, закованные в пластины глубинной стали, напоминали опоры моста. Борода, перехваченная руническими кольцами, шевелилась, будто живая, когда он заговорил:

– Ты... разбил... памятник... моему деду.

Каждое слово падало, как молот на наковальню.

Брунди почувствовал, как обломок сапога в его руке становится горячим.

– Я просто... хотел проверить, не нужно ли его починить! – выпалил он.

Тишина.

Придворные переглянулись. Все знали: Донато обожал деда – старого Гардана Громовое Сердце, того самого, кто вытащил его, сироту, из руин сгоревшей кузницы и воспитал как сына. Но никто не понимал, почему император никогда не подходит к статуе. Не поправляет венки. Не приносит даров.

Это было... не по-дворфийски.

Донато сделал шаг вперёд.

– Ты знаешь, что значит почтение к предкам? – его голос дрогнул, но не от гнева. От чего-то другого.

Брунди, к своему удивлению, вдруг ответил искренне:

– Знаю. Мой отец... он тоже погиб в шахтах. Я каждый год несу эль к его портрету. Даже если он был... э... не самым хорошим отцом.

Император замер.

Где-то упал жезл. Звон металла прокатился по залу.

– ...Ты смеешь сравнивать своего пьяницу-отца с Гарданом?

Но в его глазах промелькнуло что-то странное.

Брунди, рискуя жизнью, продолжил:

– Нет. Но я знаю – если бы мой дед вытащил меня из огня, я бы... может, боялся подойти к его статуе. Чтобы не вспоминать тот день.

Тишина.

Донато сжал кулаки.

– ЗАТКНИСЬ! – рёв Донато потряс тронный зал. Люстры закачались, а несколько придворных инстинктивно пригнулись. – Мой дед трижды поднимался на пики Алайских гор, когда даже ящеры отступали! Он выстоял в Битве у Кипящей Бездны! А ты... ты...

Император задыхался, его борода дыбилась, как разъярённый зверь.

Брунди, чувствуя, что терять ему уже нечего, выдавил ухмылку:

– Ну, если он был таким крутым... наверное, сам бы отколол себе сапог, чтобы не мешал в бою?

Гробовая тишина.

Кто-то из стражников ахнул.

Донато замер. Его пальцы впились в подлокотники трона так, что самоцветы затрещали.

– Довольно, – его голос внезапно стал тихим и страшным. – Ты дразнил мою стражу. Воровал у моих подданных. Осквернил память моего рода. Но теперь...

Он поднял руку, и тень от неё накрыла Брунди, как саван.

– Тебя ждёт Каменный Мешок.

Зал взорвался шёпотом. Каменный Мешок – древняя тюрьма в глубинах горы, где узники годами не видели солнца.

Брунди побледнел, но не сдался:

– Э-э... а если я предложу добровольно отправиться куда-нибудь... ну, скажем, на поиски Глаза Грумара?

Донато усмехнулся:

– Хитро. Но нет. Пусть камни научат тебя уважению.

Он махнул рукой – стража схватила Брунди.

– Хотя... подождите! – вдруг крикнул император.

Все замерли.

– Оставьте ему это. – Донато указал на обломок сапога. – Пусть помнит.

С этими словами Брунди потащили прочь – вниз, в темноту, где даже эхо боялось шептать.

## **Глава 2. Побег, подаренный дедом**

Дверь захлопнулась с таким звоном, будто сам горный дух зевнул. Брунди огляделся.

Каменный Мешок оказался... мешком.

Тесная клетушка, вырубленная прямо в скале. Пол – холодный, слегка влажный камень. Потолок – настолько низкий, что даже дворф не мог встать в полный рост. Единственный источник света – тусклый голубоватый гриб, растущий в углу, словно тюремный фонарь. А дверь...

Дверь была шедевром дворфийской паранойи.

Толстые стальные прутья, переплетённые руническими узорами, наверняка от взломов. Замок – сложный механизм с шестерёнками, видимыми сквозь прозрачную пластину горного хрусталя. И никаких замочных скважин.

Брунди присвистнул:

– Ну и щедрость... для меня.

Он плюхнулся на пол, вытащив из кармана обломок сапога.

– Вот и поговорим, дедуля.

Мраморный кусок лежал на ладони, безмолвный и холодный.

А потом...

Идея.

Брунди приподнялся, осматривая дверь. Между нижним прутом и каменным полом был зазор. Малюсенький. Но...

– Если я...

Он примерил обломок.

– ...а потом так...

Через десять минут Брунди, вспотевший, но довольный, засунул сапог под дверь. Он торчал, как клин.

– Ну, Гардан... помоги пленнику твоего внука.

Удар.

Ломом.

Которого у него не было.

Пришлось использовать ногу.

БАМ!

Звон разнёсся по коридору. Прут прогнулся.

БАМ!

Замок скрипнул.

БАМ!

Дверь с визгом подпрыгнула и... рухнула наружу.

– Ха!

Коридор был пуст. Где-то вдалеке храпели стражники.

Брунди, прижимаясь к стенам, скользил по туннелям.

Улицы Монтегравита-Торре-Оро ночью были другими.

Без толп. Без криков торговцев. Только ветер гулял между башен, да редкие фонари – шары из светящихся грибов – бросали синеватые пятна на мрамор.

Брунди бежал, прикрывая рыжую бороду плащом, который случайно свисал с чьей-то вешалки у выхода.

– Где же... – он озирался.

Мост. Ему нужен был Чёрный Мост – тот, что вёл к шахтам. А там...

А там – свобода.

Или новая тюрьма.

### **Глава 3. Ветер свободы и «Слёзы Великана»**

Шахтный проход сжал Брунди в каменных объятиях. Стены, покрытые вековой копотью, дышали сыростью и горечью выгоревшей руды. Он шаркнул сапогом по полу – под слоем пыли обнажились следы бесчисленных кирок. Здесь поколения дворфов добывали славу Империи. А теперь здесь бежит один никчёмный вор.

Выдернув из породы ржавую кирку, металл скрипел, будто ворчал на беспокойство, Брунди двинулся вперед. Его пальцы сами нашли знакомые зазубрины на рукояти – следы от ударов, оставленные каким-то безымянным работягой. Может, тем самым, кто однажды спасся через этот лаз? Или тем, кто сгинул здесь навсегда?

Щель в камне зияла, как незаживающая рана. Когда Брунди начал протискиваться, острые выступы впились в бока, будто сам город не хотел его отпускать.

Город. Его город.

В памяти всплыли образы: Кузница отца, где маленький Брунди впервые обжётся о раскалённый металл. Не заплакал – отец бил за слёзы. Площадь Семи Молотов, где в день совершенноголетия он дрожащей рукой выковал свой первый гвоздь. Смешной, кривой. Таверна «Обожжённый палец», где Гарина Громовая Кулачища, его легендарная бабка, впервые налила ему элю со словами: «Пей. Настоящий дворф должен уметь держать удар не только кулаком, но и печенью.»

Камень больно впился в плечо, вернув к реальности.

Как же всё сломалось.

Монтегравита-Торре-Оро – величайший город величайшей расы. Город, где каждый камень пропитан историей. Где даже воздух звенит от ударов молотов по наковальням.

И теперь для него – всего лишь каменный мешок.

Последний рывок – и Брунди вывалился в небольшую пещеру. Свежий ветерок шевелил его бороду. Где-то впереди мерцал выход.

Он обернулся.

– Прощай, отец. Прощай, бабка. Прощайте, вшивые стражники... – кирка звякнула о камень. – А тебе, дед Донато, спасибо за сапог. Пригодился.

#### **Глава 4. Пещера, барс и тролль**

Брунди вывалился из шахтного отверстия прямо в сугроб. Холодный снег обжёт щёки, забился в бороду и даже под доспехи. Он вскочил, отряхиваясь, и...

Ветер.

Резкий, чистый, пахнущий хвоей и чем-то незнакомым, ударил в лицо.

Брунди замер.

Это был тот самый ветер, что гулял по крышам Монтегравита-Торре-Оро. Тот самый, что свистел в узких улочках города. Но теперь...

Теперь он другой.

Не городской, не запертый между каменных стен. Он был диким. В нём чувствовалась свобода, простор и... что-то ещё. Что-то, от чего щемило в груди.

Брунди поднял глаза.

Алайские горы.

Они вздымались перед ним, величественные и неприступные. Снежные вершины сверкали на солнце, будто выкованные из чистого серебра. Склоны, покрытые вековыми соснами, уходили вниз, в туманную дымку долин. Где-то в вышине кружили орлы, их крики разносились эхом.

Брунди никогда не видел их так близко.

В городе горы были фоном, частью пейзажа. Но здесь...

Здесь они были богами.

И они смотрели на него.

Брунди сгрёб пригоршню снега, растёр в ладонях и провёл по лицу.

– Ну что, горы... познакомимся?

Он огляделся.

Внизу, в дымке, виднелись леса и какие-то тропы. Но спустаться туда...

Спустаться – значит признать поражение.

А вот вверх...

Вверх – это вызов.

Брунди потрогал кирку за поясом, поправил рваный плащ, который теперь был его единственным имуществом, и сделал первый шаг.

– Где-то там, на вершинах, наверное, есть эль...

Снег хрустел под сапогами. Ветер пел свою песню.

А Брунди шёл вперёд.

Брунди проваливался в снег по колено, каждый шаг давался с усилием. Его тяжёлые сапоги, созданные для каменных полов дворфийских кузниц, теперь были бесполезны в этой пушистой хляби.

Чёртов Донато... Чёртовы стражи... Чёртов сапог...

Крик горного ястреба пронзил воздух, эхом отражаясь от скал. Где-то вдали ответил вой снежного рага – низкий, дрожащий звук, от которого по спине пробежали мурашки.

Брунди остановился, переводя дух.

– Ну и ладно... Может, я и дурак, но хотя бы не трус, – пробормотал он, вытирая пот со лба.

Мысли путались:

«Надо было просто извиниться... Нет, стой, это же Донато – он бы всё равно меня в тюрьму засунул... Хотя если бы не полез к статуе... Да и сам хорош! Дел других нет, что ли? Мог бы эль пить спокойно, а не геройствовать...»

Он пнул снег, подняв белую взвесь.

– Но нет же, Брунди умник должен был ввязаться в спор! Теперь вот, получай – горы, снег и волки на горизонте...

Ветер усилился, завывая между скал. Брунди поднял взгляд на вершину, которая маячила впереди.

– Ладно... Вверх, потом разберусь.

Он двинулся дальше, бормоча себе под нос:

– Может, там, наверху, хоть видно будет, куда идти... Или хотя бы где эль раздобыть.

Снег хрустел под ногами, солнце слепило глаза, отражаясь от белой пелены, а мысли, как назойливые гномы, продолжали свой бесконечный спор:

Вернуться? Нет, теперь уж точно посадят... Идти вперёд? Куда? Может... Может, просто подняться повыше, а там...

А там – он ещё не знал. Но одно было ясно:

Хотя бы не в клетке.

Солнце поднималось выше, окрашивая снежные вершины в розовато-золотистые тона. Брунди остановился, опираясь на кирку, и замер, поражённый открывшимся видом.

Горы действительно спокойные утром...

Вспомнились слова бабки Гарины, которая любила повторять, что горы, как и дворфы, имеют свой нрав:

– Утром они задумчивы, днём – вспыльчивы, а к вечеру и вовсе непредсказуемы. Уважай их, внучек, и они тебя пропустят.

Но сейчас его внимание привлёк совсем другой вид.

Вдали, за последними отрогами Алайских гор, там, где снега сменялись зелёными долинами, высился город. Совсем не похожий на Монтегравита-Торре-Оро.

Тонкие, изящные башни взмывали в небо, словно стрелы. Стены, светлые и гладкие, блестели на солнце. Даже на таком расстоянии было видно – это творение человеческих рук.

– Малет... – прошептал Брунди.

Он слышал об этом городе лишь в обрывках рассказов торговцев:

«Там улицы вымощены белым камнем...»

«Их вина слаще мёда, но бьют в голову хуже дворфийского эля...»

«А их женщины... охо-хо!»

Брунди усмехнулся.

– Ну что ж... Раз уж я теперь изгой, почему бы не посмотреть, как живут другие?

Он сделал последний глоток из фляги (жалкие остатки вчерашнего эля) и твёрдо ступил вперёд.

Цель появилась. Теперь главное – до неё добраться.

Но между ним и городом лежали ещё километры неизведанных земель.

Солнечные лучи играли на снежных вершинах, превращая их в ослепительные кристаллы. Брунди прищурился, наслаждаясь видом, но тут его живот предательски заурчал, напоминая, что приключения приключениями, а кушать хочется всегда.

– Ну, ладно, ладно... – проворчал он, роясь в карманах.

Его пальцы наткнулись на что-то круглое и твёрдое.

– Ага!

Два яблока, слегка помятые, но всё ещё сочные, и завернутый в тряпицу бутерброд с мясом кариопса – вчерашний, но съедобный. Брунди усмехнулся.

– Старая привычка – никогда не уходить из дома без провизии, – пробормотал он, откусывая кусок бутерброда.

Мясо было немного жестковатым, но ароматным, с лёгким привкусом дыма и специй. Яблоки хрустели на зубах, их кисло-сладкий сок освежал.

Пока он ел, его взгляд скользил по окрестностям.

– Так... если Малет там, – он кивнул в сторону города, – то мне нужно спуститься в долину, обойти тот хребет и...

Его мысли прервал шорох позади.

Брунди медленно обернулся, держа кирку наготове.

– Кто здесь?

Из-за скалы показалась мордочка с острыми ушками и любопытными глазами.

– Ну и ну... горный лис?

Зверёк, рыжеватый, почти как его борода, осторожно обнюхивал воздух, явно заинтересованный запахом еды.

Брунди усмехнулся.

– Что, тоже проголодался?

Он отломил кусочек мяса и бросил лису. Тот схватил добычу и мгновенно исчез за камнями.

– Беги, малыш. У меня и своих дел полно.

Доедая последнее яблоко, Брунди встал, отряхнулся и твёрдо шагнул вперёд.

Ветер выл, как разъярённый дух гор, хватая Брунди за плащ и пытаясь сорвать его со склона. Каждый шаг давался с трудом – снег стал глубже, а под ним скрывался неровный лёд, готовый предательски подставить ногу. Брунди шёл, согнувшись, прикрывая лицо от колючих порывов.

И тогда он увидел их.

Ступени.

Вырубленные прямо в скале, неровные, почти стёртые временем, они вели куда-то вверх, к узкому уступу, скрытому за поворотом.

– Ну конечно... Дворфы не могли просто так оставить гору без лестницы, – прохрипел Брунди, сжимая кирку.

Он подошёл ближе. Камень ступеней был тёмным, почти чёрным, с вкраплениями каких-то блестящих кристаллов. Брунди провёл рукой по поверхности – они отдавали слабым теплом, будто впитали солнечный свет за долгие годы.

– Ладно... Вверх так вверх.

Солнце уже клонилось к горизонту, окрашивая снега в кроваво-золотые тона. Тени удлинились, сливаясь в синие полосы, и Брунди понимал – ночь близко.

Первая ступень. Вторая. Третья.

Они были слишком высокими для дворфа, приходилось карабкаться, цепляясь за выступы. Кирка звенела о камень, высекая искры.

На середине подъёма он остановился, переводя дух.

Отсюда открывался вид на всю долину – бескрайнюю, затянутую вечерней дымкой. Где-то там, вдали, прятался Малет, но сейчас он казался лишь бледным пятном на горизонте.

– Эх, если бы бабка видела меня сейчас... – Брунди усмехнулся.

Он уже собирался двинуться дальше, как вдруг...

Шорох.

Тихий, едва уловимый. Прямо над ним.

Брунди медленно поднял голову.

На уступе, освещённый последними лучами солнца, стоял снежный барс.

Большой. Белый. С глазами, горящими, как два изумруда во тьме.

Зверь смотрел на него, не мигая.

Брунди замер.

– Ну что, братец... Пропустишь меня или придётся спорить? – прошептал он, медленно сжимая кирку.

Барс наклонил голову, будто прислушиваясь.

А потом...

Рыкнул.

Но не в его сторону.

Куда-то за скалу.

И исчез.

Брунди не стал ждать возвращения незваного хозяина гор и вскарабкался на уступ.

Перед ним расстилалась круглая площадка, вырубленная в скале.

Брунди ступил на площадку, оглядываясь с опаской. Ветер здесь стих, будто кто-то невидимый приглушил его порывы. Небольшая пещера зияла в скале тёмным провалом, словно приглашая внутрь.

Он медленно подошёл ближе, щурясь в полумрак.

– Кто-то тут был...

Признаки недавнего присутствия бросались в глаза:

Пучок сухой травы в углу – кто-то делал подстилку. Обугленные камни – следы костра, и не такого уж старого. Кусок кожи с вырезанным знаком – возможно, от чьей-то сумки.

Брунди нахмурился.

— Не дворфы... и не люди. Слишком аккуратно для первых, слишком примитивно для вторых.

Он достал кирку и постучал по стене пещеры.

– Эй! Кто тут есть – показывайся! Я не настроен драться... если только ты не настроен драться первым!

Тишина.

Только эхо ответило ему, отразившись от каменных стен.

Брунди вздохнул и начал устраиваться на ночлег:

Собрал сухие ветки у входа, мало, но на маленький костер хватит. Разложил плащ на полу, подальше от входа. Достал последний кусок мяса – ужин скромный, но лучше, чем ничего.

Когда огонь затрещал, отбрасывая дрожащие тени на стены, Брунди присел у костра, грея руки.

– Ну что ж... День выдался неплохим. Не умер – уже победа.

Он посмотрел на вход в пещеру, где уже сгущались сумерки.

«Кто бы ни был здесь до меня... Надеюсь, он не вернётся ночью.»

С этими мыслями Брунди завернулся в плащ, положил кирку рядом и закрыл глаза.

Где-то снаружи завыл ветер.

Брунди провалился в сон, как в глубокую шахту.

Ему снился дом.

Монтегравита-Торре-Оро встал перед ним во всей своей величественной красе – башни, взмывающие к облакам, шум кузниц, запах раскалённого металла. Он видел узкие улочки, по которым бегал ребёнком, и широкую площадь Семи Молотов, где впервые взял в руки настоящий молот.

Во сне к нему подошла бабка Гарина, такая, какой он помнил её в детстве – ещё не сгорбленная годами, с огнём в глазах.

– Ну что, сорванец, сбежал? – усмехнулась она, поправляя косу на плече.

– Не сбежал, а... исследовал, – ответил он во сне, чувствуя, как щемит в груди.

Гарина покачала головой, но в её глазах светилось одобрение.

– Ты всегда был упрям, как горный козёл. Ладно, не подведи нашу фамилию.

Потом сон сменился – он снова был маленьким, сидел на коленях у отца, который показывал ему, как держать молот.

– Запомни, сынок, удар должен быть точным, как мысль, и твёрдым, как наша гора.

Запах дыма, смешанный с ароматом жареного мяса, медленно вытягивал Брунди из сна.

Он открыл глаза.

Костер горел.

Но он не его.

Напротив, скрестив ноги, сидел седой дворф.

Его борода, белая, как горные вершины, была заплетена в сложные косы, перехваченные костяными кольцами. Лицо – изрезанное морщинами, словно карта горных троп – казалось, помнило все бури этого мира. Но глаза... Глаза были ясными, голубыми и молодыми, как ледники на рассвете.

На коленях у старика лежала копчёная колбаса, от которой шёл дразнящий аромат.

– Проснулся, беглец? – хрипло спросил старик, отрезая кусок мяса. – Бьюсь об заклад, что с голоду померёшь, если будешь жевать только свои мысли.

Брунди сел, потирая глаза.

– Кто ты?

Старик усмехнулся, обнажив золотой зуб.

– Тот, кто нашёл тебя раньше, чем барс. Называй меня Старый Тулг.

Он протянул кусок колбасы.

– Ешь. Потом поговорим... о том, куда ты идёшь, и почему это глупая идея.

Пламя трещало, отбрасывая тени на стены пещеры. Брунди с жадностью доедал кусок копчёной колбасы, который ему протянул старик, и украдкой разглядывал своего неожиданного соседа.

– Так ты говоришь, ходил в походы с дедом Донато? – спросил Брунди, вытирая жир с бороды.

Тулг усмехнулся, поправляя костяное кольцо в своей белоснежной бороде.

– Ага. Гардан Громовое Сердце. Твёрдый, как скала, дворф. Мы с ним и на Алайские пики забирались, и в Бездну Грумара спускались... – он замолчал, глядя в огонь, будто видел в нём что-то давно забытое. – А потом, в последнем походе, я отбил от группы. Заблудился в тумане. Когда он рассеялся, я понял – не хочу возвращаться.

Брунди нахмурился.

– Но почему? Ты же мог...

– Потому что здесь, на вершинах, я наконец почувствовал себя свободным, – перебил его Тулг, и в его голубых глазах вспыхнул огонь. – Там, внизу, всегда кто-то что-то решает за тебя. Император, традиции, даже собственный молот... А здесь – только ты и ветер.

Он бросил в костёр горсть сухих веток, искры взметнулись вверх.

– А теперь твоя очередь, мальчишка. Что ты делаешь так высоко, да ещё и без снаряжения?

Брунди потупил взгляд, разминая в руках кусок хлеба.

– Просто... решил посмотреть, что там, за горами, – пробормотал он. – Город Малет, например. Слышал, там...

– Там люди, – закончил за него Тулг, прищурившись. – И они не особо любят дворфов, особенно тех, кто приходит без приглашения.

Брунди пожал плечами, стараясь выглядеть беззаботным.

– Ну, я не собираюсь объявлять о своём приходе фанфарами.

Тулг рассмеялся – хрипло, но искренне.

– Ладно, ладно, храни свои секреты. Но запомни, мальчишка – горы не прощают глупостей. И если ты решил бежать...

Он не закончил, но Брунди понял.

«...то хотя бы беги в правильном направлении.»

Брунди встал, отряхивая крошки с колен.

– Ладно, мне пора. Хочу подняться ещё немного, пока солнце высоко, – он кивнул в сторону вершины.

Тулг хмыкнул, поправляя посох.

– Бесплезное дело. Там только скалы да ветер, который сдует тебя, как пылинку. А спуск с той стороны – верная смерть. Ледники там коварные, трещины скрытые. Даже я не рискую.

Брунди замер, сжав кулаки.

– А если мне нужно в Малет? Есть ли другой путь, кроме как через перевал?

Тулг почесал бороду, разглядывая склоны.

– Есть... Если не боишься крутого спуска. На восточном склоне – каменная лестница. Мы зовём её «Слёзы великана». Ведёт почти до самого подножия, до сухих долин. Оттуда до Малета – два дня хода.

– Почему «Слёзы»?

– Потому что каждый, кто идёт по ней, плачет – то ли от страха, то ли от усталости, – усмехнулся Тулг.

Когда Брунди уже собирался уходить, Тулг неожиданно остановил его:

– Постой. Есть кое-что...

Старик полез в потёртый мешок и достал пожелтевший свёрток.

– Письмо. От Гардана. Для Донато.

Брунди осторожно взял его. Конверт был потрёпан временем, но печать с фамильным знаком Громобородых осталась целой.

– Ты хочешь, чтобы я...?

– Передал. Если окажешься в городе, – Тулг пристально посмотрел на него. – Он должен прочесть это.

Брунди сунул письмо за пазуху, избегая взгляда старика.

– Постараюсь.

Тулг кивнул:

– Спускайся осторожно. И не хватайся за рыжие камни – они хрупкие как печенье.

Брунди уже сделал несколько шагов, когда Тулг крикнул ему вдогонку:

– А если увидишь стадо горных козлов – держись подальше! В этом сезоне они особенно злые!

Письмо жгло грудь, но Брунди шёл вперёд, к восточному склону, где его ждали «Слёзы великана».

\*\*\*

Ветер свистел в ушах, норовясь сорвать Брунди со склона. Каждый шаг по «Слезам великана» давался с трудом – камни, отполированные ветрами, скользили под ногами, а узкая тропа то и дело прерывалась, заставляя перебираться по почти отвесным участкам.

Брунди прижался к скале, чувствуя, как письмо за пазухой колет ему грудь.

«Вернусь ли я когда-нибудь?..»

Мысли путались:

«Что там написано? Не будь ослом? Помни, что ты Громобородый? Или...»

Он представил старого Гардана – таким, каким его описывали: суровым, с руками, изуродованными кузнечным трудом, с взглядом, способным прожечь камень.

«Наверняка что-то вроде: Ты олух. Не просри королевство, болван. Всё как обычно...»

Но почему тогда Тулг хранил это письмо все эти годы?

Внезапный порыв ветра едва не сорвал его со скалы. Брунди вцепился в выступ, сердце бешено колотилось.

– Чёртовы горы... Чёртовы письма... Чёртов...

Он замолчал, заметив впереди проблему – участок тропы полностью обрушился. Осталось два варианта: карабкаться обратно или...

Брунди осмотрел обрыв.

«Три метра вниз до следующего уступа. Можно попробовать...»

Он снял плащ, быстро скрутил его в подобие верёвки и привязал к выступу.

Первый метр дался легко. На втором «верёвка» натянулась, угрожающе скрипя.

И в этот момент...

Треск.

Плащ начал рваться.

Брунди отпустил его до того, как он разошёлся полностью, и рухнул вниз.

Удар. Боль в лодыжке.

Но он был жив.

Подняв голову, Брунди увидел, что приземлился прямо перед... Пещерой.

Небольшой, почти незаметной с тропы. А внутри – слабый голубоватый свет.

– Ну конечно... Как же без загадочной пещеры, – пробормотал он, потирая ушибленную ногу.

Но выбирать не приходилось – начинался снег.

Брунди замер на пороге пещеры, втянув голову в плечи. Внутри, среди голубоватых сталактитов, сидел снежный тролль – огромный, с кожей, напоминающей потрескавшийся лёд, и глазами, как два мутных ледяных осколка. Он что-то жевал, громко чавкая, разбрасывая вокруг кости.

«Тихо... Тихо...»

Брунди сделал шаг назад – и хрустнул случайной льдинкой.

Тролль поднял голову.

Наступила тишина.

– Э-э... Приятного аппетита? – выдавил Брунди.

Тролль взревел.

Брунди рванул к выходу, но тролль оказался на удивление быстр – его лапища схватила дворфа за туловище и швырнула вглубь пещеры.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.